

шевики и весь простой народ! Долой поганые советы! Да здравствует Учредительное собрание!..

Двинулись из города на все стороны обозы с мануфактурой, кожами, железом и всякой всячиной. По дорогам на обозы нападали шайки дезертиров и грабили их.

В деревнях молились бабы.

Из далеких больших городов, встреч хлебным маршрутам, в дребезжащих теплушках катили красные полки. На грязных вокзальных стенах — под ветром — трепетали обрывки газет с приказами и призывами революции.

Под Клюквиним

ударилась.

Город подмял кулацкую деревню, соломенная сила рухнула...

Восстанцы, бросая по дорогам вилы, пики, ружья, на все стороны бежали, скакали и ползли, страшные и циничные, как с Мамаева побоища...

Страна родная... Дым, огонь — конца краю нет.

1923—1927

ПОБРАТИМЫ

Они встретились в Кронштадте, на Якорной площади.

Арсений говорил скорую речь среди многотысячной волнующейся толпы моряков, солдат и портовых рабочих. Военный моряк французской службы Шарль Дюмон, что выделяется в толпе своей шапочкой с красным помпоном на макушке, слушал русского моряка с волнением: молодое, смуглого румянца лицо его было оживлено, осененные длинными ресницами глаза сияли.

Дружные крики: «Правильно! Правильно!» и хлопки жестких ладоней перекрыли последние слова оратора. Шарль протискался к нему и принялся энергично трясти, точно из чугуна литую, лапу русского моряка.

— Bravo, bravo, camarade! (Браво, браво, товарищ!).

— Bonjour, mon vieux. Comment que sa va? (Добрый день, приятель! Как дела?) — приветливо спросил и Арсений. Он, моряк старой службы, знал с сотню иностранных слов, которых ему за глаза хватало для любого разговора.

Прогуливаясь по Набережной, они переговорили обо всем на свете — о русской революции и о суточном порционном, о грядущем мире и подводных лодках, о последних волнениях во французской армии и о портовых девчонках: где-то в Алжире и Марселе у них нашлись общие приятельницы, чему оба немало смеялись.

Арсений повел гостя на свой крейсер, где Шарля все привело в восхищение — и то, что все вредные офицеры казнены или списаны на берег; и то, что на корабле самими

морьяками поддерживается образцовый порядок; и то, что рядовые моряки живут на равную ногу с оставшимися лицами командного состава, едят из одного котла и курят одинаковый табак. Шарль Дюмон не захотел возвращаться на свой корабль. Арсений принес ему из вещевого баталерки комплект обмундирования и подарил отличного боя маузер.

Они подружились.

Всюду их видели вместе, — и на митингах, и на вечеринках, и в театре, и на лекциях, и на бурных заседаниях кронштадского совета. Шарль рьяно изучал язык революционной страны.

В июльские дни они вместе маршировали по Невскому, на митинге слушали Ленина, перед особняком Кшесинской присягали на верность революции. Вместе они участвовали в штурме Зимнего дворца, вместе в конце семнадцатого года с одним из первых красногвардейских отрядов отправились и на фронт; всю зиму они вместе мыкались на бронепоезде по Украине и Дону, сражаясь с разномыслными бандами контрреволюции. Под Ростовом бронепоезд был спущен под откос, а Арсений тяжело контужен.

Потрепанный отряд балтийцев отозвали в Харьков на переформирование; Арсений, прихватив с собой друга, уехал на поправку к себе в деревню, под Пензу, где у него еще живы были старики.

Дело близилось к весне.

Арсений быстро поправлялся и уже стал похаживать в сельсовет, наводя там порядки, а Шарль с жаром доучивался русскому языку у деревенских девок и частенько возвращался домой под утро.

Весною восемнадцатого года на защиту контрреволюции выступил чехословацкий корпус. По городам и селам зашевелилось воронье, по всему Поволжью забушевали грозы восстаний. Оба моряка пристали к проходившему мимо партизанскому отряду.

С отрядом, принимая бои, они упятились к Волге, сдали Сызрань, отступили до Самары.

* * *

По реке Самарке стлался предрассветный туман.

Нарытые по окраине города окопы были полны спящих людей: спали вымотанные последними боями латыши и матросы; спали лишь накануне прибывшие татары уфимской дружины. По дворам и домам, примыкавшим к фронту, сморенные смертельной усталостью и только-что смененные с позиций, спали бойцы самарской дружины коммунистов; успокоенные обманчивой тишиной, беспечно спали в своих норах секреты и заставы.

Вдруг у самых окопов — осторожное дыхание паровоза...

Зарывшись в солому и посапывая, спал Шарль. У него в ногах, засунув рукав в рукав и обняв карабин, сидя, спал Арсений. Сознание его было заткано паутиной каких-то летучих, тревожных снов... Вдруг сердце-вещун: тук-тук... Арсений кулаком протер глаза и, выглянув из окопа, ахнул.

— Чехи, — крикнул он, выдергивая из-за пояса бомбу, — братва, чехи!

Через мост осторожно переползал неприятельский поезд — паровоз и несколько открытых платформ с установленными на них пулеметами и двумя орудиями. Под прикрытием поезда мост перебегали густые цепи чехов в своих шапочках пирожками.

В окопах зашевелились.

В следующее мгновение тишина июньского утра была разодрана залпами.

Весть о неприятеле искрой просверкнула по всей линии фронта от завокзальных позиций до косы, образуемой слиянием Волги и Самарки.

Взыграла паника.

Из окопов выпрыгивали и бежали сломя голову оробевшие, увлекая за собой отважных.

Минута, другая — и с угла Заводской и Уральской улиц — по квадратам кварталов — чехи стали быстро

распространяться по городу. На подмогу им из темных щелей вылезли лабазники, эсерствующие юнцы, черная сотня и офицеры подпольной организации.

Защищались дружинники, захваченные в клубе коммунистов; защищался штаб охраны; на улицах защищались отдельные герои, но участь города была уже решена. Забросанный гранатами сдался клуб коммунистов, и уцелевших защитников его рыжебородый Масленников вывел на улицу под белым флагом.

Волна террора обрушилась на город.

Захваченных в плен бойцов пачками расстреливали на косе, у плашкоутного моста, у вокзала, в Запанской слободке; топили в Волге и Самарке, вылавливали по дворам и предавали самосуду.

Моряки — человек пятнадцать — отходили по улице, отстреливаясь. Как вода, напорвшись на камень, разбивается на обе стороны, так и моряки разбились, наткнувшись на дом, из окон и с крыши которого по ним загремели выстрелы. Двое остались на мостовой, посредине улицы; пулеметчик Аксютин был застрелен в подъезде каким-то мальчишкой-гимназистом; еще один растянулся, уронив голову на порог чужого дома; Шарль был схвачен дворниками, остальные бросились врассыпную.

Арсений забежал во двор — кучка падких до зрелищ, полураздетых обывателей расступилась пред матросом, что в три прыжка перемахнул двор и нырнул в пролом в заборе. Перебежал еще двор, с маху на руках перекинулся еще через забор, под его коваными сапогами прогремела железная крыша, под ним оборвалась водосточная труба. Он упал куда-то в сад, прямо в сиреневый куст, в кровь испоров руки. Перелез еще через один, усаженный гвоздями, забор, оглядевшись, нырнул в дровяной сарай и — задыхающийся от волнения и быстрого бега — упал на дрова.

Все было кончено, бежать было некуда... Бомбы все до одной раскиданы; приклад карабина расколот пулей; не могли больше сослужить службы кольт и наган, патроны

из которых были расстреляны, расстреляны все до последнего. Перебрав скороговоркой всех божьих угодников и святителей до семьдесят седьмого колена, моряк закурил... Но напрасно он думал, что оторвался от преследователей — его искали, искали и в саду, и по дворам, и по всем норам. Вот он слышал лающие голоса, звон шпор, топот многих ног... Затаптал окурок и, схватив березовое полешко, — с сердцем, бьющимся в самой горле, — встал за дверной косяк... Идут, прошли... Но один — судьбы подарок! — завернул в дровяник и у самой двери рухнул, сраженный поленом.

Через несколько минут, одетый в длинную по пят офицерскую шинель, Арсений вышел на улицу и замешался в толпу.

* * *

Город ликовал.

Над городом полыхал праздничный перезвон церковных колоколов, улицы были полны разряженными лавочниками, с балконов на победителей сыпались цветы и крики приветствий, гремели военные оркестры. При большевиках памятник Александру II был задрапирован досками. Чьи-то руки уже сдирали эти доски и чьи-то лбы уже стучались о гранитный пьедестал «царя-освободителя», а там, на окраинах, еще шла расправа с побежденными.

Арсений шел, как пьяный. Жажда мести разъедала его сердце.

Привлеченный криками мальчишек: «Ведут, ведут!», он остановился. По дороге, окруженная кольцом конвоя, двигалась партия пленных, среди которых он сразу узнал дружка: обрадовался, чуть не крикнул, но сдержался, и, втянув голову в плечи, упятился на тротуар, за спины других. Шарль шагал, потупив залитое кровью лицо. Арсений без думы пошел следом.

Арестованных ввели в дом, у подъезда которого размашисто, мелом было написано: «Управление коменданта города».

Решение созрело мгновенно.

Арсений — мимо часового — вошел вслед за арестованными в просторный зал. Комендант города, в перевитых двухцветной ленточкой погонах полковника, сидел за столом перед зеркальцем и брился. Арсений, четко отбивая шаг, подошел к столу и принял под козырек:

— Поручик 309-го Овручского пехотного полка... Честь имею, господин полковник, явиться в ваше распоряжение...

Полковник, не прекращая своего занятия, скосил глаза и внимательно осмотрел стоящего перед ним человека в офицерской шинели, из-под воротника которой выбивался ворот матросской форменки.

— Ваши документы?

Арсений подал истертый на сгибах послужной список, из которого явствовало, что он действительно является поручиком 309-го Овручского пехотного полка Андреем Владимировичем Озеровым, награжденным двумя георгиевскими крестами и уволенным со службы по демобилизации.

Полковник отер носовым платком чисто выскобленное лицо и подал руку:

— Очень рад. Садитесь.

Арсений сел в кресло.

— Вы, господин поручик, и в русском флоте служили? — неожиданно спросил полковник, не сводя с него светлых, холодных глаз.

— Нет, не служил.

— А это что за маскарад? — и он, перегнувшись через стол, вытянул у него из-под шинели ворот форменки.

Арсений заправил ворот обратно и спокойно ответил:

— При большевиках, господин полковник, всяко приходилось одеваться...

— Да, да, конечно, — согласился полковник и, сказав несколько фраз об изуверстве тевтонского племени, о кровожадности большевиков и о единстве задач, стоящих перед славянами, протянул руку: — Завтра, поручик, в нашем штабе вы получите назначение в действующую часть.

Арсений козырнул и пошел было к выходу, но, увидев

прижатых в угол пленных, отшатнулся и повернул обратно к полковнику:

— Господин полковник... здесь... негодяй!...

— Что такое?

— Вашими солдатами задержан мерзавец, казнивший мою мать, и сестру.

— Который?

Арсений подошел к кучке арестованных и грубо, за руку выдернул Шарля:

— Вот он!

— Не извольте, господин поручик, беспокоиться. Я прикажу немедленно расстрелять его, здесь же, во дворе.

— О, нет... На могиле матери я поклялся... Позвольте мне самому с ним расправиться! — И Арсений выхватил из кармана пустой кольт.

Полковник любезно согласился.

Арсений залепил другу по скуле так, что тот пролетел через весь зал и тяжестью своего тела распахнул дверь во двор. Арсений быстро выскочил за ним и награждая его тумаками, повел куда-то в глубину двора.

* * *

Через полчаса они уже сидели на Набережной в шумном трактире, пили чай и обсуждали план дальнейших действий. Убежать из города было не так-то просто: на все дороги и тропы были выставлены заставы, всюду шныряли военные патрули, проверяющие у всех подозрительных документы. В том же трактире они познакомились с кочегарами буксирного пароходика «Сатурн». Арсений, решив сыграть ва-банк, открылся кочегарам во всем.

Ночевали дружки в трюме «Сатурна».

В трюме они сидели три недели, не высывая носа на белый свет.

Но вот капитан «Сатурна» получил приказание чешского командования доставить на фронт две баржи с патронами и снарядами.

Отправились в поход.

В ночь с первого на второе июля под Хвалынском, пройдя полным ходом линию фронта, транспорт «Сатурн» — под красным флагом — выплыл к советским берегам, где и был встречен с почестями. Красная армия нуждалась и в пароходах, и в патронах, и в снарядах, а еще более — в верных революции людях!

1935 г. Апрель. Москва.